

НЕМЕЦКАЯ ШКОЛА ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ЛИНГВИСТИКИ В XX ВЕКЕ

Вступая в XXI век, ученые-языковеды подводят итоги того, что внес век XX в развитие мировой лингвистической мысли. В парадигме современных лингвистических направлений и школ заметное место принадлежит функционально-семантическому описанию разноуровневых средств языка, объединенных общей содержательной функцией. Его принципы разработаны ленинградской школой А. В. Бондарко и активно применяются при исследовании не только русского языка, но и других языков, как генетических родственных, так и неродственных.

Основным своим предшественником в разработке грамматики “от значения к форме”, т. е. на основе семантического содержания и системы средств его выражения, А. В. Бондарко считает французского лингвиста Фердинанда Брюно [2:12], который в своей знаменитой книге “Мысль и язык” (1922) сделал попытку использовать ономаσιологический подход не только к лексическому материалу, но и привлечь грамматические средства выражения различных “идей” (“пол”, “лицо”, “число”, “определенность-неопределенность”, “время”, “причина” и др.). Одним из “феноменов”, по выражению Т. М. Николаевой, функциональной грамматики А. В. Бондарко является понятие функционально-семантического поля.

Таким образом, в круг базовых лингвистических понятий этой концепции вовлекаются понятия “функции языка и речи”, понятие “поля” и, следовательно, это направление принадлежит к одному из актуальнейших направлений в языкознании XX века – функциональному языкознанию как науке “о языке в действии”. Если же обратиться к истокам возникновения указанных понятий и терминов в метаязыке лингвистики, то, очевидно, на первый план выходит немецкая школа функционализма.

Немецкий функционализм возник в 20-е годы XX в. и активно развивался в период между двумя мировыми войнами; он представлял собой антитезу младограмматизму с его “атомизмом” и абсолютизированным лингвистическим эмпиризмом. Видные немецкие ученые этого времени, такие, как К. Бюлер, Х. Амманн, Л. Вайсгербер, Й. Трир и другие, обращаются к проблемам связи языка с человеческой личностью и объективной действительностью, т. е. в собственно лингвистическом плане – к функциональным проблемам.

Карл Людвиг Бюлер создал свою функционально-структурную теорию языка, опираясь в основном на достижения немецкой лингвисти-

ческой школы и на данные экспериментальной “психологии мышления”. Важнейшие отправные пункты своей концепции, свои взгляды на язык и общую лингвистическую (по сути: грамматическую) теорию Бюлер отчетливо сформулировал уже в 1922 г. в работе *Vom Wesen der Syntax* [11], а затем развил в главном лингвистическом труде “Теория языка” (1934). Центральным в ней является положение о трех функциональных измерениях языка, основанных на выделении трех основных элементов языковой коммуникации: говорящий (или вообще “адресант”), адресат и предмет сообщения. В зависимости от того, какой из этих трех элементов стоит на первом плане, Бюлер различал функции человеческого языка (по сути: коммуникативного акта, в котором они реализуются): выражение (*Ausdruck*), сигнал или обращение (*Appel*) и сообщение (*Darstellung*) [3:25]. Функция сообщения (*Darstellung*) реализуется в отношении языковых знаков к действительности, и эту функцию Бюлер считает ведущей.

Н. Д. Арутюнова интерпретирует функции языка, выделенные К. Бюлером, следующим образом: **репрезентативная** (или референциальная, по Р. Якобсону, или номинативная) – это функция сообщения, соотносимая с предметом, о котором идет речь; **экспрессивная** – функция выражения, соотносимая с говорящим; **апеллятивная** – функция обращения, соотносимая со слушающим [1:610]. Наиболее полно разработана Бюлером первая функция в книге “*Sprachtheorie. Die Darstellungsfunktion der Sprache*” (рус. перевод: Теория языка. Репрезентативная функция языка. — М., 1993). Подчеркнем еще раз, что все они — суть функции речевого акта, подчиненные коммуникативной функции языка как главенствующей. По Бюлеру, языковой знак, реализуя указанные функции, обнаруживает разные стороны своей природы. Он выступает как **символ** по отношению к обозначаемой им внеязыковой действительности, как **симптом** по отношению к говорящему, как **сигнал** по отношению к адресату речи [3:25].

Оставляя в стороне изложение аксиоматической теории языка Бюлера, остановимся на двух фундаментальных понятиях его учения – понятиях символического и дейктического поля.

Прежде всего, очевидно, именно К. Бюлер ввел термин “поле” в лингвистику. “Понятие “поле”, — пишет он, — составляет обязательный компонент современной психологии; я рекомендовал его лингвистам (подчеркнуто нами – Ю. Ф.) и уверен, что оно постепенно заменит реквизи́т в языковедческих сокровищницах понятий” [3:34].

Символическое поле образуют элементарные знаки – слова, а отношения между ними – комбинаторные связи, порождаемые синсемантическими моментами в их значениях. Связи между единицами символического

ческого поля суть синтагматические, и вся теория Бюлера, таким образом, оказывается синтаксической.

Дейктическое поле составляют слова-сигналы, а отношения – указание на различные явления действительности путем апелляции к восприятию или представлениям (“фантазиям”) слушающего. Принцип полевой организации дейктического поля кардинально отличается от принципа организации символического поля: если последнее, как указывалось, организовано синтагматически, то первое носит парадигматический характер. Парадигматика связана у Бюлера с трехмерной системой координат: места, времени и индивидуальности, начальными точками которой являются категории “здесь”, “теперь” и “я” [3:35].

Критикуя К. Бюлера за неоднозначность некоторых понятий и определенную непоследовательность в развитии теории, Ю. В. Попов приходит, однако, к выводу, что его общая концепция носит новаторский характер – прежде всего по форме и, конечно, по связанному с этой формой методологическому содержанию [5:175].

Подводя итог сказанному о вкладе лингвистической теории К. Бюлера в современный функционализм, подчеркнем, что она представляет собой теорию структурно-функциональной “грамматики” в широком смысле слова (охватывающей всю систему языка, включая и лексическую).

Другой лингвист Х. Амманн создал в начале века философско-лингвистическую теорию языка, ставившую и разрешавшую вопрос о языковой сущности. Его теория, опиравшаяся на гумбольдтианское положение о национальной природе языка и феноменологию Э. Гуссерля, была функциональной теорией с гносеологической основой, причем ее функционализм носит не инструментальный характер: главное внимание Амманн обращает на содержание самих функциональных отношений языка и его элементов к сознанию и действительности [5:137]. Теория Амманна распадается на почти не взаимосвязанные разделы: теорию лексических значений, теорию функциональных классов, связывающую лексику с синтаксисом; теорию речевых функций; теорию коммуникативной и смысловой структуры предложения; теорию типов высказывания.

В фундаментальной двухтомной работе “Человеческая речь” [10] представлена теория языкового значения, в котором, по мысли Амманна, заключена вся сущность языка как феномена, и теория функций.

Рассматривая теорию Х. Амманна в интересующем нас контексте, обратим внимание на то, что он выделял функциональные (а не грамматические) классы слов: слова с предметно-понятийным и качественно-понятийным обобщением (имена существительные и прилагательные) и слова, отражающие “переживаемое” сознанием “движение жизни” (глаголы). Они одновременно были и частями речи, и членами предложения

[10:125]. Эти функциональные классы слов “представляют собой систему, непосредственно связывающую лексический “мир языка” с синтаксической речевой “прагматикой” или, что, по Амманну, то же самое, язык с речью. Это – один из наиболее характерных моментов в концепции Амманна, предвосхищающий тенденцию полного слияния “лексики” и “грамматики” в единой теории языка [5:141].

В 30-е годы в Германии широко возрождаются идеи В. Гумбольдта, особенно в трудах главы “неогумбольдтианцев” (“неоромантиков”) Лео Вайсгербера. Опубликованная в 1927 г. статья “Семасиология — ложный путь языкознания?” в значительной степени предопределила дальнейший путь лингвистики. Изучение лексической системы с позиций теории обозначения, в основе которой стало “учение о понятиях”, а также развитие грамматической теории и практики в ономасиологическом аспекте уходит корнями в работы неогумбольдтианцев 20-30-х годов.

Изучение понятийного содержания языка было обосновано Л. Вайсгербером и Йостом Триром. Теория “понятийного поля” Трира и проведенное им самим в подтверждение основных ее положений практическое исследование (группы слов со значением разума) являются первыми итогами изучения понятийного состава языка [14]. А. А. Уфимцева, оценивая вклад Й. Трира в лингвистику, пишет: “По своим замыслам – представить смысловую сторону языка как строгую структуру, столь же строго членящуюся на “понятийные поля и сферы”, применить впервые структуральный метод к синхронному исследованию смыслового содержания языка – работа Трира была новаторской” [6:41].

Теория Трира навлекла на себя большую критику как со стороны идеологических противников, в частности советских ученых, так и со стороны немецких неогумбольдтианцев, не принадлежавших к крылу Л. Вайсгербера [9:22-28].

Представитель другого крыла неогумбольдтианцев Вальтер Порциг ввел в семасиологическую науку другое понимание “смыслового поля”. Эти языковые образования, по его определению, представляют собой некоторое семантическое единство, обусловленное синтаксическими связями слов. Ядром элементарного семантического поля у Порцига могут быть глагол и прилагательное как выполняющие предикативную функцию в языке. По сути дела, именно В. Порциг подошел вплотную к современному пониманию полевого характера лексической сочетаемости слова, включающего лексемы разных частей речи (Ср. у Порцига: *reiten* “ехать верхом” предполагает существование слова *Pferd* “лошадь”, а *fahren* “ехать на корабле, в поезде и т. п.” – таких слов, как *Schiff*, *Zug* [13]).

Л. Вайсгербер считал именно слова фундаментальными единицами языка, причем семантически постоянными в любом данном языке (в дан-

ное время), ибо они определяются не в предложениях, а в лексических системах, полях. Закон “семантического поля” и категория “внутренней формы языка” явились важным результатом научных поисков неогумбольдтианцев: они объединили два методологических принципа: функциональный и структурный. Эти лингвисты пошли дальше Х. Амманна: они не только приступили к ономаσιологическому анализу лексики, но выдвинули общую идею структурности и комплексности грамматического содержания, которая получила впоследствии развитие в концепции “грамматики, ориентированной на содержание”, по терминологии Л. Вайсгербера [15].

Центральное место в своей “новой теории языка” (“язык в действии” и воздействии на жизнь данного народа) Вайсгербер отводит грамматике, ориентирующейся на содержательную сторону языка. Подчеркивая, что и “грамматика, ориентированная на вещи” (т. е. грамматические описания, выдвигающие на первый план категориальное содержание грамматических форм), имеет определенную ценность для языкознания, он полагает, что место последней определяется только в соотношении с первой.

В качестве основных методологических принципов новой грамматики выдвигаются “закон знака” и “закон поля”. Названные элементы должны выявить те принципы членения, которые соответствуют закономерностям структуры самих языковых содержаний. Иными словами, следует исходить из немотивированности языкового знака и системности содержания любых языковых фактов.

Особенно ценным в интересующем нас аспекте является стремление Вайсгербера обнаружить возможные оттенки определенных содержаний, выраженных самыми разнообразными языковыми средствами. Так, например, он отмечает различные случаи и способы выражения характера протекания действия в немецком языке, не зная специализированных форм выражения категории вида.

Учение Вайсгербера в советском языкознании было подвергнуто резкой критике за философский идеализм, оценивалось как “ошибочный вариант лингвистической методологии и методики” [4:160]. Однако современные когнитивные подходы к языковому материалу позволяют объединить в одной научной парадигме два направления – функционализм и когнитивизм, чему способствовали теоретические построения Л. Вайсгербера, Й. Трира, В. Порцига и других немецких теоретиков языка.

В последние полстолетия западные и восточные немецкие лингвисты (а в последние годы – в объединенной стране) продолжают развитие функционализма, стремясь выйти за рамки формальной грамматики и широко привлекая факты лексического уровня языка к расширению грам-

матического пространства. В теоретическом языкознании функционального направления активно работали Г. Глинц, Э. Кошмидер, И. Эрбен, Х. Бринкманн, В. Шмидт и другие.

Эта тенденция лежит в основе появления таких терминов и понятий, как “антиграмматика”, “функциональная грамматика”, “грамматические поля” и др., возникших в работах немецких ученых в 50-е – 60-е годы.

Расширение собственно грамматической сферы возникло как протест против догматизма и схематизма в преподавании грамматических форм, категорий и парадигм. Под “антиграмматикой”, которая должна быть “встроена” в грамматику, Г. Глинц понимает различные средства выражения одной мысли при выделении центра, или ядра [12:195].

Х. Хаманн, отказываясь от механистического изучения грамматических форм, частей речи, порядка слов и т. д., предлагает перейти к романтическому, динамическому пониманию языка как организма живого и одушевленного (в духе идей В. Гумбольдта). “Формы языка как явления природы и создание человеческой культуры можно понимать как функцию. Языковая форма не имеет функцию, она есть функция. Таким образом, языковая форма существует для выражения некоторого содержания, и рассмотрение языковой формы ведет к человеку как существу биологическому и социальному <...> Грамматика не должна иметь дело с языковыми формами как таковыми; она, как и все другие аспекты преподавания иностранных языков, имеет дело с человеком и с языком как с величайшим творением его культуры” [8:377]. Парадигмы и правила, считает Хаманн, при обучении необходимо заменить упражнениями, в которых форма тренируется как функция мыслительного процесса. Прямой метод, т. е. грамматико-переводной, пытался достигнуть этой цели имитативным путем; функциональный метод показывает, что представители других наций могут воспринимать картину мира по-другому (или в чем-то одинаково). Так, упражнения нужно давать не на Genitiv как таковой, а на формы выражения принадлежности, владения и т. п. [8:379].

Практически воплощая свою теоретико-методическую концепцию, Х. Хаманн произвел описание лексических и грамматических средств выражения поля времени и таксиса в английском языке, регулярно сопоставляя с немецким и подчеркивая общее и различное в способах мышления носителей этих языков [7:381-399].

Таким образом, высказанные немецкими лингвистами методические идеи смыкаются непосредственно с принципом изучения и описания языка в направлении “от функций к средствам их выражения”.

Идея исследования функций языка и языковых единиц в речи, речетворчестве как антитеза младограмматизму в начале XX века буквально “бродила по Европе”. В Германии она нашла воплощение в трудах мно-

гих ученых, которые по-разному подходили к функциональным отношениям языка к сознанию и действительности, но все они на передний план ставили не чистую структуру и систему, а содержание, или функцию, и исследовали совокупность языковых единиц, выражающих ту или иную функцию. Немецкий функционализм приобретал в течение века характер структурно-функциональной грамматики (К. Бюлер), функциональной теории с гносеологической основой (Х. Амманн), представлял собой исследование “понятийных” и “смысловых” полей (Й. Трир, В. Порциг), выражался в особой “грамматике, ориентированной на содержание” с приматом социологии языка (Л. Вайсгербер). В ряде случаев немецкие лингвисты увязывали свои теоретические разработки с методикой преподавания родного и иностранных языков.

В современной научной лингвистической парадигме активно сближаются такие направления, как когнитивное, прагматическое, полево-ориентированное описание грамматики, которые, безусловно, имеют свои научные истоки в трудах немецких языковедов по функционализму.

1. **Арутюнова Н. Д.** Функции языка // Русский язык: Энциклопедия. — М., 1997.
2. **Бондарко А. В.** Функциональная грамматика. — М., 1984.
3. **Бюлер К.** Теория языка. Структурная модель языка // Звегинцев В. А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. — М., 1960. — Ч. 2.
4. **Гухман М. М.** Лингвистическая теория Л. Вейсгербера // Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. — М., 1961.
5. **Попов Ю. В.** Общая грамматическая теория в немецком языкознании. — Минск, 1972.
6. **Уфимцева А. А.** Теории “семантического поля” и возможности их применения при изучении словарного состава языка // Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. — М., 1961.
7. **Хаманн Х.** Способы представления времени в английском языке // Методика преподавания иностранных языков за рубежом. — М., 1967.
8. **Хаманн Х.** Функциональная грамматика — новый метод? // Там же.
9. **Щур Г. С.** Теории поля в лингвистике — М., 1974.
10. **Ammann H.** Die menschliche Rede. — Lahr, 1925-1928. — Bd. 1-2.
11. **Böhler K.** Vom Wesen der Syntax // Idealistische Neuophilologie Festschrift für K. Voßler. — Heidelberg, 1922.
12. **Glantz H.** Ansätze zu einer Sprachtheorie. — Düsseldorf, 1962.
13. **Porzig W.** Wesenhafte Bedeutungsbeziehungen // Beiträge zur Geschichte der Deutschen Sprache und Literatur. — 1934. — 58, Halle a. S.
14. **Trier J.** Das sprachliche Feld // Neue Jahrbücher für Wissenschaft und Jugendbildung. 10. — 1934, 1/5, Leipzig und Berlin.
15. **Weisgerber L.** Grundzüge der inhaltsbezogene Grammatik. — Düsseldorf, 1962.